

БІБЛІОГРАФІЯ

Бортник С. М.

Рецензия на книгу: Marcus Plested. Orthodox Readings of Aquinas. Series «Changing Paradigms in historical and systematic theology». Oxford University Press, Reprint 2014, first edition 2012. 276 с. ISBN 978-0-19-965065-1

Книга «Православные прочтения Аквината» рассматривает рефлексию православных богословов с XIV в. и до нашего времени на личность и труды «ангельского доктора» Римо-Католической Церкви Фомы Аквинского.

Автор книги, Маркус Плестед, в недавнем прошлом академический директор кембриджского Института православных христианских исследований (IOCS, Великобритания), является доцентом университета Маркетта (Marquette) в США. По признанию автора, книга была задумана в 2008 г., а ее название перекликается с книгой «Православные прочтения Августина», вышедшей в том же году в издании Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке.

В построении своей книги автор исходит из распространенного стереотипа о том, что восточное и западное христианство являются двумя стройными самодостаточными системами и стремится поколебать такой дихотомичный подход. В частности, в первой части работы он рассматривает «греческий Восток» и «латинский Запад» из «множественной перспективы». Для этого он берет двух столпов этих традиций — Фому Аквината и Григория Паламу, стремясь поставить под сомнение привычную черно-белую установку.

С одной стороны, он пишет о связи Аквината с традицией греческих отцов (с. 15–21), а с другой стороны — акцентирует внимание на схоластическом наследии в богословской методологии Паламы (с. 44–57). Он утверждает: «Сознательное следование Аквината принципу кафоличности и его постоянный упор на герменевтике ортодоксии предлагают парадигму для любого серьезного подхода к исцелению продолжающегося раскола» (с. 28).

После рассмотрения подходов Аквината и Паламы Плестед заключает: «...Палама не настолько “восточный”, а Аквинат не настолько “запад-

ный», как это обычно предполагалось раньше. У каждого есть существенный интерес к традиции другой стороны» (с. 60).

Вторая часть (с. 63–134) посвящена «Византийским прочтениям Аквината». Здесь автор рассматривает особенности подхода к Фоме, начиная с первого переводчика его «Суммы против язычников» на греческий Димитрия Кидониса, через Николая Кавасилу и далее. Обзор заканчивается рассмотрением времени падения Византийской империи (1453 г.), которое находит свое богословское отражение в трудах Марка Эфесского и Геннадия Схолария.

Третья часть книги (с. 137–228) посвящена «Оттоманской эпохе и современным православным прочтениям Аквината». На греческом Востоке Фома рассматривался в XVI–XIX вв. чаще не обособленно, а «в рамках общей группы богословов-схоластов». В целом этот период характеризуется как «продолжительная фаза сближения православного богословия с латинской традицией» (с. 168), а сам Аквинат выступал как «знаменитый собеседник и постоянный ресурс для православного богословия» (с. 169).

Глава 6 (с. 177–219) рассматривает наиболее близкую нам по времени, а потому и наиболее актуальную тему: «Прочтения Аквината в современной православной мысли». В противовес «Киевской школе богословия», связанной с Петром Могилой, в XIX в. в русском православии развивается движение славянофилов. В целом, говоря об этом периоде, Плестед с сожалением отмечает: «Православные прочтения Фомы в XX веке были намеренно отрицательны и слишком часто в подчиненном положении к некоей парадигме оппозиции между Востоком и Западом» (с. 178).

В этой главе автор говорит не столько о влиянии или восприятии самого Аквината, сколько о перипетиях отношений к «Западу» в целом. В частности, он останавливается на ситуации в имперской России, рассматривает контекст греческого богословия после обретения греками независимости в 1821 г.

Особенно внимательно Плестед рассматривает отношение к «ангельскому доктору» со стороны Сергея Булгакова. Он отмечает: «Напряженное и очень незавидное отношение Булгакова к Аквинату — самая устойчивая вовлеченность в диалог с ангельским доктором со стороны Православия с византийской эпохи» (с. 193). Здесь автор отмечает ряд предубеждений, характерных не только для Булгакова, но и для ряда других богословов русской эмиграции: «Фома становится воплощением и прародителем рационализма, имперсонализма и детерминизма Запада, диаметрально противопоставленного Православию» (с. 194).

По сути, за рамки собственно отношения к Аквинату выходит глава «Восток и Запад в современной православной мысли» (с. 204–213).

Своего апогея антизападничество достигает в работах Иоанна Романидиса, подход которого характеризуется Плестедом как «богословие реакции, в котором Православие определяется путем отрицания: не августиновское, не схоластическое, не эссенциальное и т. д.» (с. 206).

Лишь в относительно недавних трудах православных богословов (Клеман, Евдокимов, Жилле) намечается новая парадигма отношения как к Аквинату, так и к «Западу» в целом. Наиболее продуктивен в разрушении «антизападных предубеждений» Каллист Уэр. Автор особенно внимательно рассматривает его статью «Схоластика и Православие: богословский метод как фактор в схизме» (с. 215–216). Примечательна также позиция современного греческого мыслителя Стелиоса Рамфоса: «Рамфос представляет Аквината как парадигму такого рода богословия, в котором более всего нуждается православный мир: рационального, вовлеченного в дела мира и утверждающего телесное начало» (с. 218).

В конце книги автор делает принципиальные заключения. С одной стороны — «выразительно реакционное определение Православия», берущее начало в движении славянофилов, а с другой стороны — Византия, которая «даже в последние десятилетия своей истории не уступила различным реакционным формам антизападного самоопределения» (с. 225–226).

Плестед называет особенности, присущие православному богословию последних 50–60 лет — «новое утверждение патристической традиции, с акцентом на мистическом и аскетическом измерениях». Однако их чрезмерное выделение приводит, по его убеждению, к одностороннему представлению: «Современное православное богословие слишком часто представляет лишь определенную часть [целостного православного предания]» (с. 227). Это действительно важная проблема для самопонимания православной традиции, претендующей на непрерывность и всеохватность, но при этом фактически упускающей из виду ряд столетий своей истории.

Плестед заканчивает книгу надеждой на то, что «новое обретение Православием Фомы дает надежду на то, что в православных кругах схоластика не навсегда останется уничижительным термином» (с. 227). Это особенно актуально для православного богословия как академической дисциплины, претендующей на достойное место среди других университетских наук. Полагаю, что книга заслуживает внимания благодаря непривычному взгляду на отношение Запад — Восток и попытке реконструкции православной традиции последних семи столетий в ее отношении к Фоме Аквинату как столпу западного богословия.